

# **И.С.ТУРГЕНЕВ**

## **СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

**В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1958**



Р<sub>2</sub>  
T87

# И.С.ТУРГЕНЕВ

211

## СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА

1831—1883

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1958

АБ



цензура. Я не знаю, как они вышли — но я плакал навзрыд, когда писал их<sup>5</sup>.

Прощайте, мой добрый Е. М. Скоро напишу Вам опять. Жду от Вас и от Боткина все подробности, которые вы только услышите. Жму Вам дружески руку — Вам и графине — и остаюсь

преданный Вам *Иван Тургенев*.

Р. С. Кажется, нечего и говорить, что под статьей о Гоголе не будет выставлено моего имени. Это было бы бесстыдством и почти святотатством.

Вы жалуетесь, что я Вам не пишу; я в пятницу послал Вам письмо.

<sup>1</sup> Тургенев отвечает на письма В. П. Боткина от 21 февраля ст. ст. (написанное в самый день смерти Гоголя — см. «В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 17—21) и Е. М. Феокистова от 25 февраля (с описанием похорон Гоголя — см. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 743).

<sup>2</sup> Ср. ту же фразу в «Рудине», гл. XI, где Тургенев описывает состояние Натальи после прочтения прощального письма Рудина: «Она сидела не шевелясь; ей казалось, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над ее головой, и она шла ко дну, застывая и немея».

<sup>3</sup> Говоря о «друзьях Гоголя» и их поведении, Тургенев имеет в виду сообщение Феокистова о том, что «главный друг» Гоголя гр. А. П. Толстой отказался от участия в его похоронах. «Но Аксаковы и Хомяков, — писал далее Феокистов, — великолепны; когда-нибудь Вы услышите об их похождениях. Много рассказывать!» («Литературное наследство», т. 58, стр. 743).

<sup>4</sup> Стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт» — «Современник», 1852, март.

<sup>5</sup> Некрологическая статья Тургенева, запрещенная цензурою в Петербурге, была напечатана при содействии Феокистова и Боткина в «Московских ведомостях», 1852, 13 марта, № 32, под заглавием «Письмо из Петербурга» и с подписью «Т...в»; она явилась основанием для ареста и высылки Тургенева (см. т. 10 наст. изд.).

...Скажу Вам без преувеличения, с тех пор как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя, — все, что Вы говорите

о ней, сказано мне прямо из души<sup>2</sup>. Эта страшная смерть — историческое событие, понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, — ни одному человеку, самому сильному духу не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер потому, что решился, захотел умереть, и это самоубийство началось с истребления «Мертвых душ»... Что касается до впечатления, произведенного здесь его смертью... да будет Вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для «СПб. ведомостей» о смерти Гоголя (я их послал Феокистову в Москву). Гр. Мусин-Пушкин не мог довольно надивиться дерзостью людей, жалеющих о Гоголе<sup>3</sup>. Честному человеку не стоит тратить на это своего честного негодования. Сидя в грязи по горло, эти люди принялись есть эту грязь — на здоровье. Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...

<sup>1</sup> Отрывок из письма, извлеченный при перлюстрации и сохранившийся (в копии) в «деле» III Отделения об аресте и ссылке Тургенева.

<sup>2</sup> Тургенев отвечает на письмо И. С. Аксакова от 26 февраля ст. ст. 1852 года, где Аксаков рассказывает о смерти Гоголя и о сожжении им перед смертью второго тома «Мертвых душ».

<sup>3</sup> Профессор и цензор А. В. Никитенко в своем дневнике записал по поводу запрещения статьи Тургенева и последовавшего за этим ареста писателя: «Председатель цензурного комитета (то есть Мусин-Пушкин) объявил, что не будет пропускать статей в похвалу Гоголя, «лакейского писателя» («Дневник» Никитенко, т. I, 1955, стр. 351).



остаться в глубокой тайне; малейшего упоминания, малейшего намека в какой-нибудь газете будет достаточно, чтобы окончательно погубить меня.

Прощайте, мои милые и добрые друзья; будьте счастливы, а я буду радоваться вашему счастью насколько смогу. Будьте здоровы, не забывайте меня, пишите мне чаще и будьте уверены, что я мысленно всегда с вами. Целую вас *всех* и посылаю вам тысячу благословений. Милый Куртавнель, посылаю и тебе также привет! Прощайте, прощайте; пишите мне часто. Еще раз целую вас. Прощайте!

Ваш *Ив. Тургенев*.

<sup>1</sup> Письмо написано во время заключения Тургенева на «съезжей», куда он был посажен под арест на месяц — с 16(28) апреля по 15(27) мая 1852 года.

<sup>2</sup> Запрещение («эмбарго»), наложенное, по словам Тургенева, на всю его литературную деятельность, было вызвано прежде всего недовольством властей «Записками охотника», уже в журнальных публикациях обративших на себя внимание цензоров, а также пьесами «Нахлебник» и «Месяц в деревне» («Две женщины»), запрещенными цензурой.

<sup>3</sup> Ссылка Тургенева в Спасское была без определения срока.

<sup>4</sup> Великий князь Александр Николаевич, впоследствии Александр II. В письме к нему от 27 апреля (9 мая) 1852 года («Первое собрание писем И. С. Тургенева», 1884, стр. 5—6) Тургенев, рассказав обстоятельства напечатания статьи о Гоголе, просил довести дело до сведения Николая I. Никаких последствий это письмо, однако, не имело.

<sup>5</sup> Роман — «Два поколения».

<sup>6</sup> Речь идет об отдельном издании «Записок охотника», разрешенном московской цензурой 6(18) марта 1852 года. Опасения Тургенева были не напрасны: книга, вышедшая в августе в свет, вызвала возмущение Николая I; был уволен пропустивший «Записки охотника» цензор В. В. Львов, ухудшилось и положение сосланного писателя.

Я получил ваше тройное письмо, добрые мои друзья, и не могу вам сказать, как оно меня обрадовало. От души благодарен вам за ваше участие — хотя в моей



судьбе, особенно теперь, в деревне, я ничего не вижу ужасного<sup>1</sup>. Вы совершенно правы в своих предположениях на мой счет, любезный Сергей Тимофеевич, — посылая мою статью в Москву, я и не думал делать что-нибудь противузаконное; Назимов, которого я видел в Москве, очень удивился, когда узнал, что я даже в глаза не видал г-на Мусина-Пушкина. Ничего — перемелется, мука будет! Я на днях принимаюсь за статью о Вашей многочитанной и многолюбимой мною книжке для Современника<sup>2</sup>. Радуюсь Вашей деятельности и уверен, что статья Ваша о Державине выйдет славная<sup>3</sup>. Сборник<sup>4</sup> у меня здесь — но я в нем успел прочесть только стихотворения. Песни — удивительны — достойны стать наравне с песнями в собрании Кирши Данилова; <sup>5</sup> стихотворение Хомякова<sup>6</sup> — очень звонко — читается ого *gotundo* \*, как говаривали в старину — но и только; не греет и не язвит. Ваш «Бродяга»<sup>7</sup>, любезный И. С., благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы вредит иногда впечатлению. Ваши стихи имеют все качества поэзии, кроме того тонкого, неуловимого — того *запаха*, которым дышит, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья в наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо Вам и за то, что Вы нам дали. Мне говорили, что 1-й № «Сборника» хорошо разошелся; это меня радует. Для 2-го №-а у меня есть небольшая вещь<sup>8</sup>, написанная мною под арестом, которой и приятели мои довольны и я, я готсв ее Вам послать, но, во-1-х, мне кажется, ее не пропустят; во-2-х, не думаете ли Вы, что мне на время надобно помолчать? Вот и мои «Записки охотника» совсем готовы, и билет на их выпуск выдан; однако мы с Кетчером решились подождать<sup>9</sup>. Впрочем, я на всякий случай велю переписать мою вещь.

Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями; прочел Сахарова<sup>10</sup>, Терещенку<sup>11</sup>, Снегирева<sup>12</sup> e tutti quanti \*\*. В особенный восторг привел меня Кирша Данилов. Ваську

---

\* Округленными устами (лат.).

\*\* И прочих (итал.).



Буслаева считаю я эпосом русским — но к результатам *<привело>* меня это все далеко не столь отрадным, как Вас, любезный К. С., — во всяком случае, к другим результатам <sup>13</sup>. Но так как я в этом деле еще ученик, то мне и хотелось бы потолковать с людьми знающими, с Вами. Я в Москве много говорил с Забелиным, который мне очень понравился; светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он возил меня по кремлевским древностям. Кстати, я об Вашей комедии слышал много хорошего от людей, которые не очень-то к Вам расположены, с прибавлением: «Мы от Аксакова этого не ждали». *Комедии*, признаться, и я от Вас не ждал <sup>14</sup>. Очень бы хотелось послушать — но когда мы увидимся — это единому богу известно.

Здесь я еще пока ничего не делаю — вдыхаю целой грудью деревенский воздух — читаю Гоголя — и только. А сказать между нами, я рад, что высидел месяц в части; мне удалось там взглянуть на русского человека со стороны, которая была мне мало знакома до тех пор.

Мой адрес: Орловской губернии, в город Мценск, И. С. Т<sup><ургенев></sup>у. Пожалуй, можете прибавить: в село Спасское-Лутовиново тож, но это не нужно. Мы в 9 верстах от Мценска и четыре раза в неделю туда посылаем. Если кому-нибудь из вас случится ехать через Мценск, и вам вздумается ко мне завернуть, скажите только: в Лутовиновку — всякий вас довезет.

Прощайте пока, друзья мои, — желаю вам всего хорошего, — обнимаю вас всех и остаюсь

преданный вам

*Ив. Тургенев.*

Р. S. Надеюсь, что мы теперь будем переписываться.

<sup>1</sup> Тургенев в конце мая 1852 года был выслан в свою орловскую деревню, с. Спасское (см. прим. 5 к п. № 38).

<sup>2</sup> Рецензия И. С. Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», М. 1852, была напечатана в «Современнике», 1853, январь (см. т. 11 наст. изд.).

<sup>3</sup> Статья С. Т. Аксакова — «Знакомство с Державиным». Впервые напечатана в первом издании книги «Семейная хроника и воспоминания» (М. 1856). См. С. Т. Аксаков, Собр. соч., т. 2, М. 1955, стр. 314.

<sup>4</sup> Речь идет о «Московском сборнике», изданном славянофилами (М. 1852, т. 1).



С. Спасское

16-го октября &lt;ст. ст.&gt; 1852 г.

Благодарю Вас душевно, любезный Константин Сергеевич, за Ваше письмо. Скажу Вам прямо, что я сам во многом разделяю Ваше мнение о моих «Записках» — и говорю это вовсе не из желанья пощеголять своею скромностью, — а потому что чувствую это сам — и уже давно. Зачем же я издал их? спросите Вы... а затем, чтобы отделаться от них, от этой *старой манеры*<sup>1</sup>. Теперь эта обуза сброшена с плеч долой... Но достанет ли у меня сил идти вперед — как Вы говорите — не знаю. Простота, спокойство, ясность линий, добросовестность работы, та добросовестность, которая дается уверенностью, — все это еще пока идеалы, которые только мелькают передо мной. Я оттого, между прочим, не приступаю до сих пор к исполнению моего романа<sup>2</sup>, все стихии которого давно бродят во мне, что не чувствую в себе ни той светлости, ни той силы, без которых не скажешь ни одного *прочного* слова. Пример Григоровича хоть кого устрасит — а не в таланте же недостает ему!<sup>3</sup> С другой стороны, жизнь торопит и гонит — и дразнит и манит... Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойным — ни извне, ни изнутри ему не веет покоем...

Соглашаясь совершенно с Вашими замечаниями насчет моих «Записок» — и приняв их к сведению для будущих моих работ, — я не могу разделять Вашего мнения насчет «людей-обезьян, которые не годятся в дело для искусства...» Обезьяны добровольные и главное — самодовольные — да... Но я не могу отрицать ни истории, ни *собственного права* жить; претензия отвратительна — но страданью я сочувствую. Трудно объяснить все это в коротком письме... Но я знаю, что здесь именно та точка, на которой мы расходимся с Вами в нашем воззрении на русскую жизнь и на русское искусство — я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите



успокоение и прибежище эпоса... Но повторяю, об этом можно говорить и спорить — но писать трудно.

С стыдом сознаюсь, что не прочел еще Вашей статьи в «Сборнике»<sup>4</sup> — но я все лето решительно не брал в руки ни пера, ни книги. Желаю Вам успеха в новой Вашей работе. Мне приятно слышать, что 2-й № «Сборника» выйдет<sup>5</sup>. Вы не получали моего письма от 7-го июня? Кланяйтесь всем Вашим, бог знает когда придется увидаться — а хотелось бы. Не забудьте написать мне, долго ли Вы еще пробудете в Абрамцеве. Прощайте. Крепко жму Вам руку и остаюсь искренно Вас любящий и уважающий

Ив. Тургенев.

<sup>1</sup> В письме от октября 1852 года («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 481—482), на которое отвечает Тургенев, К. С. Аксаков высказал несколько критических замечаний о «Записках охотника», отметив «...постоянное *усилие*, которое сопровождает всякое описание, всякий разговор, всякое изображение, одним словом, все сочинение... «Записок охотника». Видно, что автор неспокоен, несвободен и хочет все сказать повывразительнее. Потом: есть любимые выражения, часто неуместные...»

<sup>2</sup> Роман «Два поколения», задуманный и писавшийся в Спасском в 1852—1853 годах, не был закончен (сохранился лишь один отрывок, под названием «Собственная господская контора». См. т. 5 наст. изд.).

<sup>3</sup> О «Проселочных дорогах» Григоровича — см. п. № 42.

<sup>4</sup> Статья К. С. Аксакова в «Московском сборнике» (т. I, 1852) — «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)».

<sup>5</sup> Второй том «Московского сборника» был запрещен цензурой.

Коли Вы обрадовались моему письму, любезный Анненков, то можете представить, как я обрадовался Вашему. Я его получил вчера и отвечаю словом в день моего рождения, в который мне стукнуло не 28, как Вы



Долго ли Вы и графиня пробудете в Крыму? Ну прощайте — не считайте этого письма за письмо — это так — une poignée de main\*. На днях я напишу Вам непременно — я теперь пока еще «между небом и землей», как жаворонок, — но, вероятно, скоро плюхну на землю. Addio.

Ваш *Ив. Тургенев*.

<sup>1</sup> Графиня — Е. В. Салиас.

<sup>2</sup> В неизданном письме к Тургеневу от 5/17 декабря 1852 года, из Крыма, Феокистов писал: «Дикий хохот Кетчера, дешевое и бесполезное коварство Фролова, цинизм В. П. Б(откина) — какая отрада быть далеко от всех этих прелестей!»

<sup>3</sup> Повесть «Постоялый двор», написанная осенью 1852 года, напечатана в «Современнике», 1855, № 11.

<sup>4</sup> Повесть «Муму», написанная Тургеневым, когда он был под арестом в апреле-мае 1852 года, напечатана была в «Современнике», 1854, № 3; за пропуск ее цензор получил выговор.

<sup>5</sup> «Два поколения».

<sup>6</sup> Письмо, в котором Тургенев хвалил Феокистову Юма, в печати неизвестно.

<sup>7</sup> Е. В. Салиас писала Тургеневу, что ее дети «с ума сходят от «Записок охотника» («Тургенев и круг «Современника», М. — Л. 1930, стр. 158).

<sup>8</sup> Имеются в виду повесть «Постоялый двор» и роман «Два поколения».

## 49

### И. С. АКСАКОВУ

С. Спасское

28-го декабря (ст. ст.) 1852 г.

Только вчера, любезнейший Иван Сергеич, получил я Ваше письмо от 4-го октября. Прежде чем я буду отвечать Вам на него, мне непременно нужно объяснить Вам, почему это глупое место о г-не Любозвонове осталось в моих «Записках»<sup>1</sup>. Вы, может быть, слышали, что книга эта была издана и напечатана в моем отсутствии. Я едва просмотрел рукопись, прежде чем

\* Рукопожатие (франц.).



я послал ее к Кетчеру, — помнил я, что был какой-то где-то намек в «Записках» на славянофильство — нашел несколько слов на этот счет в «Хоре и Калиныче» — и выкинул их<sup>2</sup> — а то место осталось к великой моей досаде. Могу Вас уверить, что я вовсе не думал о Вашем брате, когда его писал, — и Вы можете себе легко представить, что я во всяком случае выкинул бы это место после нашего сближения — если б я вспомнил о нем. Пусть Ваш брат извинит мою рассеянность — и это ему будет тем легче — что подобные холодные шутки падают на того, кто их произносит, — мне гораздо будет труднее забыть мою неосмотрительность — и — повторяю — досада моя очень велика.

Теперь о Вашем письме. Все, что Вы говорите о «З(аписках) о(хотника)», я подписываю обеими руками и писал уже об этом Вашему брату. Я, право, могу уверить Вас, что мне иногда кажется, будто эта книга писана не мною, так уж я далек от нее. Напряженность и натянутость, которые слишком часто в ней попадаются, отчасти могут быть извинены тем обстоятельством, что когда я писал ее — я был за границей<sup>3</sup> и, окруженный не русской стихией и не русской жизнью — невольно проводил карандашом два раза по каждому штриху. В этом отношении я не совсем доволен и «Муму» — отчего мне крайне хочется, чтобы Вы прочли мою последнюю вещь — «Постоялый двор». Я не знаю — ошибаюсь ли я, или нет — здесь нет никого, кто бы мог мне это сказать, — но я полагаю, что в «П(остоялом) д(воре)» — я иду прямее и проще к цели — не кокетничаю и не умничаю — а стараюсь дельно высказать то, что почитаю делом. Дай бог любому автору понять и выразить жизнь — где ему мудрить над ней или поправлять ее. «П(остоялый) д(вор)» давно готов и переписан — я жду okazji, чтобы послать его в Москву к Кетчеру, которому напишу, чтоб он непременно и в самом скором времени Вам его передал. Заранее прошу от Вас, от Вашего брата и от С(ергея) Т(имофеевича) — строгого и подробного отзыва. Мысль «Муму» Вами так верно схвачена<sup>4</sup>, что мне очень хочется знать, что Вы скажете о «П(остоялом) д(воре)».

Уединение, в котором я нахожусь, мне очень полезно. Я работаю много — и кроме «П(остоялого) д(вора)» написал первые три главы большого романа и еще небольшую вещь под названием «Переписка»<sup>5</sup>. Все это я желал бы прочесть людям, во вкус которых я верю, — очень хотелось бы знать, иду ли я по настоящей или по ложной дороге. Я бы много дал — чтобы иметь удовольствие видеть Вас у себя — но боюсь и просить Вас. Поездка-то и не очень дальняя — да человек-то я не на хорошем счету — да и Вы, кажется, немножко подгуляли. А если б можно было — как я был бы рад! Стоит доехать (по шоссе) до Мценска — а оттуда до меня (до Спасского-Лутовинова) всего 10 верст.

Статья моя о книге Вашего отца явится в 1-м № «Совр(еменника)» — месяца через два я пошлю еще другую<sup>7</sup>. Желал бы я, чтобы первая эта статья Вам понравилась. Там есть несколько мыслей о том, как описывают природу, где я себя не щажу.

К(онстантину) С(ергеевичу) я на днях пошлю большое письмо о его статье в «М(осковском) с(борнике)»<sup>8</sup>. Странное дело! Мы сходимся с ним в воззрении на наш народ — но выводы у нас различные.

Ваше замечание насчет мужицкой речи совершенно справедливо<sup>9</sup>. В «П(остоялом) д(воре)» — и следа нет всей этой дагерротипности. Это все надо бросить — или, если без этого не выходит живо, — бросить перо.

Прощайте, любезнейший И. С. Бог знает когда придется увидеться — но во всяком случае прошу Вас верить в искренность моей дружбы.

Кланяйтесь от меня всем Вашим.

Преданный Вам *Ив. Тургенев*.

Поздравляю Вас с Новым годом. Когда Вы получите «П(остоялый) д(вор)» — доставьте Кетчеру «Муму» — меня просили переписать ее.

<sup>1</sup> Имеется в виду эпизод из очерка «Однодворец Овсяников», где герой рассказывает о странностях помещика-славянофила. В сбое Любозвонова Тургенев пародировал некоторые черты Константина Аксакова, брата И. С. Аксакова.



С. Т. АКСАКОВУ

С. Спасское

16-го января &lt;ст. ст.&gt; 1853 г.

Получил я Ваше письмо от 1-го янв<аря>, любезный Сергей Тимофеевич, — и благодарю за память обо мне. Согласен с Вами, что прошлый год был действительно тяжелый год — что будет дальше? Нельзя надеяться, чтобы холера не пожаловала к нам, хотя доктора до сих пор утверждали, что она никогда не идет с запада на восток; но в наше время не одни докторские теории опровергаются событиями. Впрочем, она может к нам прибыть также с юга, из Персии. Что будет, то будет — а унывать не к чему. Мы до сих пор не получали здесь ни одной газеты, и потому я еще не знаю, попала ли моя статья о Вашей книге в 1-й № «Современника»; после невероятных, даже теперь невероятных фактов цензурных, сообщенных Вами в Вашем письме ко мне, — я не удивляюсь, если и мою невинную статейку исказят; в таком случае я Вам пошлю ее в оригинале<sup>1</sup>. Я думаю, что Ив<ан> Сер<геевич> (которому я писал недавно) теперь уже получил от Кетчера мою последнюю вещь; жду Вашего мнения о ней<sup>2</sup>. От Анненкова (автора «Провинциальных писем») <sup>3</sup> я получил отзыв одобрителный. Анненкова не должно судить по его «Письмам» — в нем собственно таланта немного — но он человек чрезвычайно умный, с тонким и верным вкусом; издание Пушкина, которое он готовит, будет классическое; он мне читал отрывки из биографии Пушкина, написанной им, — превосходные по мастерству изложения, ясности и теплоте воззрения. С нетерпением жду Вашей биографии Загоскина в 1-м № «Москвитянина»<sup>4</sup>. Должно надеяться, что цензоры наконец придут несколько в себя. Анненкова я ждал к себе в деревню, но он должен был спешить в Петербург. У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст — и представили какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму<sup>5</sup>. Уморительнее этого ничего невозможно было

вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный, а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и все, что хотите: язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski \*<sup>6</sup> и даже стихов из «Дмитрия Донского»!<sup>7</sup> Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат. Передайте, пожалуйста, прилагаемый листок Константину Сергеевичу. Будьте здоровы, веселы и меня не забывайте. Дружески жму Вам и всему Вашему семейству руки и остаюсь

*Ив. Тургенев.*

<sup>1</sup> Рецензия Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» появилась в первом номере «Современника» на 1853 год. Рецензия действительно подверглась цензурным изъятиям (см. прим. к статье в т. 11 наст. изд.). «Цензурные факты» были сообщены Тургеневу С. Т. Аксаковым в письме от 1 января 1853 года («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 6—7).

<sup>2</sup> Речь идет о повести «Постоялый двор».

<sup>3</sup> «Провинциальные письма» П. В. Анненкова печатались в «Современнике» 1849—1851 годов. Тургенев имеет в виду письмо Анненкова от начала января 1853 года.

<sup>4</sup> Написанная С. Т. Аксаковым «Биография М. Н. Заголкина» (умершего 23 июня ст. ст. 1852 г.) помещена в «Москвитяине», 1853, № 1.

<sup>5</sup> *Разбойничья драма* — вероятно, широко известная «Лодка», в которой воплощены воспоминания народа о поволжской вольнице и, в частности, о Степане Разине.

<sup>6</sup> Имеется в виду риторический, декламационный стиль повестей Ал. Бестужева-Марлинского, имевших значительное влияние и распространение в широких читательских кругах в 30-х — начале 40-х годов и вызвавших много подражаний.

<sup>7</sup> «Дмитрий Донской» — патриотическая трагедия В. А. Озерова (1807).

53

К. С. АКСАКОВУ

С. Спасское

16-го января <ст. ст.> 1853 г.

Любезный К. С. Давно собирался я писать к Вам, но все откладывал до прочтения статьи Вашей в «Мос-

---

\* В стиле Марлинского (франц.).



ковском сборнике»<sup>1</sup>. Теперь я ее прочел с большим вниманием — и насколько я могу судить в этих вещах, — согласен с Вами насчет «родового быта». Мне всегда казался этот родовой быт — так, как его представляют Соловьев и Кавелин<sup>2</sup> — чем-то искусственным, систематическим, чем-то напоминавшим мне наши давнопрошедшие гимнастические упражнения на поприще философии. Всякая система — в хорошем и дурном смысле этого слова — не русская вещь; все резкое, определенное, разграниченное нам не идет — оттого мы, с одной стороны, не педанты, — хотя зато, с другой стороны...

Я русскую историю знаю, как только может знать ее человек, не изучавший источников; суждение мое о ней вытекает более из сочувствия к тому, что теперь делается в русской жизни; стоит хорошенько присмотреться к современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность соловьевского родового быта. Собранные Вами факты были для меня интересны и новы, взгляд Ваш верен и ясен — но признаюсь Вам откровенно — в выводах Ваших я согласиться не могу: Вы рисуете картину верную — и — окончив ее, восклицаете: как это все прекрасно! Я никак не могу повторить этого восклицания вслед за Вами. Я, кажется, уже сказывал Вам, что, по моему мнению, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от Вас, между тем как самые наши песни громко говорят о ней! Мы обращаемся с Западом, как Васька Буслаев (в Кирше Данилове) с мертвой головой, — побрасываем его ногой — а сами... Вы помните, Васька Буслаев взошел на гору, да и сломил себе на прыжке шею. Прочтите, пожалуйста, ответ ему мертвой головы<sup>3</sup> — у меня Кирша Данилов в издании Сахарова — там нет песни, о которой Вы говорите — а, помнится, я читал ее<sup>4</sup>. Я себе выпишу из Москвы особое издание Кирши Данилова.

Любопытно мне будет знать Ваше мнение о моем последнем произведении<sup>5</sup>. Какой Вы из него выведете вывод? Досадно, что все эти вещи нельзя обсудить на бумаге; в час разговора больше скажешь и больше узнаешь, чем в год переписки. Положение мое теперь

весьма исключительное — я спрашивал через губернатора у министра внутренних дел — могу ли я посетить свои деревни, лежащие не в Орловской губернии, — мне на днях отвечали отказом. Нечего делать, должно сидеть у моря и ждать погоды. Впрочем, я здесь по крайней мере не ленюсь; принялся за свой роман<sup>6</sup> и написал пять глав.

Прощайте, добрый К. С. Когда-то бог приведет увидеться? Жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш *Ив. Тургенев*.

<sup>1</sup> «О семейном быте у славян вообще и у русских в особенности» (см. п. № 44 и прим. к нему).

<sup>2</sup> С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин писали о характере общественного строя древней Руси: Соловьев — в первом томе «Истории России с древнейших времен» и в статье «Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие»; Кавелин — в статье «Взгляд на юридический быт древней России». Оба являлись сторонниками теории «родового быта», оспаривавшейся К. С. Аксаковым и другими славянофилами.

<sup>3</sup> О встрече Васьки Буслаева с мертвой головой вспоминает Потугин («Дым», гл. XXV), обращая этот эпизод былины прямо против славянофилов (ср. п. № 41).

<sup>4</sup> Былина, на которую указывал Тургеневу К. С. Аксаков, — «Сорок калик со каликою».

<sup>5</sup> Имеется в виду повесть «Постоялый двор».

<sup>6</sup> «Два поколения».

Вчера получил я первый № «Москвитянина», любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, — и вчера же прочел Вашу биографию Загоскина. Я не читал подобной биографии на русском языке! По глубокому и ясному пониманию характера и таланта того человека, которому она посвящена, по теплоте сочувствия, разлитого в каждой строчке, по внутренней ее соразмерности и спокойному мастерству изложения, биография эта может назваться образцовой. Иные выражения — изуми-



тельны своей меткостью. Особенно поразило меня то место, где Вы говорите, что, читая Загоскина, «чувство народности незаметно поднимается со дна души». Это совершенно верно. Я сожалею только об одном: зачем Вы поместили две выдержки из сочинений З(агоскин)а? Кроме того, что З(агоскин) именно такой писатель, которого по выдержкам судить нельзя — они (особенно куплеты) уже слишком незначительны и могут неверно подействовать на читателя<sup>1</sup>. «Мирошева», которого я не читал, я теперь непременно прочту — что же касается до «Милославского» — то я знал его наизусть;<sup>2</sup> помнится, я находился в пансионе в Москве в 31-м году (мне был 12-й год) — и нам по вечерам надзиратель наш рассказывал содержание «Ю(рия) М(илославского)». Невозможно изобразить Вам то поглощающее и поглощенное внимание, с которым мы все слушали; я однажды вскочил и бросился бить одного мальчика, который заговорил было посреди рассказа. Кирша, земский ярыжка, Омляш — боярин Шалонский — все эти лица были чуть не родными всему нашему поколению — и я до сих пор помню все малейшие подробности романа. Да, такая народность завидна — и дается немногим! В 32-м и 33-м году я часто видывал Загоскина в доме моего отца, с которым он был очень дружен; впечатление, которое он производил на меня, далеко не соответствовало уважению, которое я питал к его роману: впрочем, это было не уважение — а какое-то горячее дружелюбное чувство — как бы к старшему брату (я говорю о Юрии Мил(ославско)м). Причина, почему я перед самим Загоскиным не благоговел, была двоякая — с одной стороны, он слишком был прост и добр, иногда даже спорил со мной — а мальчишка, каким я был тогда, не может благоговеть перед тем, кто становится с ним рядом — с другой стороны, в З(агоскин)е была какая-то добродушная хвастливость насчет женщин, которая мне тем более не нравилась, что он обыкновенно в этих случаях заражался французским, весьма неправильным языком. Но, вспоминая всех тех литераторов, с которыми мне потом пришлось сблизиться — и из которых едва ли один стоил Загоскина, — приводя себе на память всю их мелочную раздражи-

тельность, кичливое самолюбие и ломание (я уже не смею упоминать о собственных грехах в этом роде), — я не могу довольно надивиться скромности автора, который действительно некоторое время не имел себе равного в народной любви — да и до конца сохранил ее; Загоскин, с которым я, 13-летний мальчишка, мог обходиться бесцеремонно, — был отличный человек! <sup>3</sup>

Желаю я, чтобы моя статейка о Вашей книге хотя отдаленно могла Вам понравиться так, как Ваша биография мне понравилась.

Доставил ли Кетчер Ив(ану) Сергеевичу «Постоялый двор» и прочли ли Вы его — и если прочли — какого Вы о нем мнения? Так как совершенно неизвестно, когда мы с Вами увидимся — а мне хочется подвергать мои произведения Вашему суду, то я постараюсь распорядиться так, чтобы список с 1-й части моего романа достался Вам в руки, — только это между нами. Она будет состоять из 12 глав — я уже написал семь.

Я уверен, что Вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве в первом № «Москвитянина» <sup>4</sup>. Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна. Но стихотворения Щербины мне еще менее по вкусу <sup>5</sup>, чем стихи г-жи Павловой или Ростопчиной <sup>6</sup>, — это какой-то любово-страстный писк, который нам хотят выдать за античность! И хотя бы стихи были хороши! Нет — этого рода поэзия не годится никуда.

Прощайте, дорогой С. Т., будьте здоровы и веселы. У нас с 12-го янв(аря) стала холодная, солнечная погода — вероятно, и у вас так же. Холерные случаи попадают здесь довольно часто — но пока ничего слишком худого нет. Егеря мои колотят множество зайцев — я очень зябок и на эту охоту не хожу. Кормятся у меня 12 куропаток — в марте выпущу их на развод. На днях послал охотника в степную деревню с поручением поймать и привезти еще.

Крепко жму Вам и всему Вашему семейству руку  
и остаюсь

душевно преданный Вам

*Ив. Тургенев*



Р. С. Правда ли, что Катков женится и переезжает в Петербург? <sup>7</sup>

<sup>1</sup> С. Т. Аксаков привел в своей «Биографии М. Н. Загоскина» («Москвитянин», 1853, № 1) две выдержки из сочинений этого писателя: из комедии «Урок холостым, или Наследники» и водевиля «Деревенский философ».

<sup>2</sup> Романы Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II» (1842) и «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829); прославивший автора «Юрий Милославский» — один из первых русских исторических романов, выдержал к 1853 году, по словам С. Т. Аксакова, 8 изданий.

<sup>3</sup> Воспоминания Тургенева о Загоскине вошли в его «Литературные и житейские воспоминания», напечатанные в первом томе собрания сочинений 1869 года (см. т. 10 наст. изд.).

<sup>4</sup> «Повесть о Фроле Скобееве», написанная неизвестным автором в конце XVII века, — памятник раннего русского «плутовского» романа.

<sup>5</sup> Н. Ф. Щербина напечатал в «Москвитянине», 1853, № 1, 15 стихотворений в антологическом роде, с сильно выраженным оттенком эротики.

<sup>6</sup> Тургенев имеет в виду творчество салонных поэтесс К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной.

<sup>7</sup> М. Н. Катков в 1853 году женился на княжне Шаликовой (сестре писательницы Е. Нарской).

33

**П. В. АННЕНКОВУ**

С. Спасское  
29-го января (ст. ст.) 1853 г.

Милый Анненков. Хотя я еще не получил от Вас ответа на письмо мое, адресованное в дом Шица в Петербурге — однакоже, предполагая, что Вы уже давно покинули Москву, пишу я Вам опять. Впрочем, я больше вот с какою целью пишу Вам: я сегодня отправляю к Краевскому для «От(ечественных) зап(исок)» необыкновенно замечательную повесть Леонтьева под названием «Немцы». Вы, пожалуйста, попросите от меня Дудышкина, чтобы он как можно тщательнее подержал корректуру и вообще следил бы отеческим оком за этою вещью. Я надеюсь, что цензура никаких препятствий не сделает — во всяком случае прочтите «Немцев» хотя

С. Спасское

2-го апреля &lt;ст. ст.&gt; 1853 г.

Я только вчера вернулся из 10-дневной поездки<sup>1</sup>, добрые друзья мои, С. Т., К. С. и И. С., — и нашел здесь Ваши милые письма<sup>2</sup>. Не могу ответить вам теперь, как бы хотелось — у меня опять разыгралась моя гастрическая лихорадка и порядком меня мучит — поездка-то моя очень не во-время была сделана — но хотя несколько слов должен вам сказать сегодня. Я очень счастлив и рад, что вам мой «Постоялый двор» понравился — всякие похвалы более или менее, по человеческой слабости, приятны — но в ваших словах я не похвалы себе вижу, а поощрение, ручательство в том, что я не сбиваюсь с дороги — и это меня радует и подкрепляет. Дай бог, чтобы и вперед я заслужил ваше драгоценное для меня одобрение! Отвечать же на все то, что вы мне пишете по поводу «П<остоялого> д<вора>», я теперь не в силах — когда-нибудь в другое время — насколько это будет возможно в письме — но, отложив в сторону всякое сочинительство — или, говоря правильнее, — всякое сочинительское самолюбие — не могу не повторить, что со всем сказанным К. С. согласиться мне трудно. Это не мешает мне быть душевно благодарным за его участие — и со вниманием взвешивать и обдумывать каждое его слово<sup>3</sup>. Ваша оценка каждого отдельного лица в «П<остоялом> д<воре>» — милый С. Т., меня просто возгордила — стало быть, подумал я, я не напутал, коли С. Т. так верно понял все, что я хотел сказать. Я для Вас приказал уже переписать «П<остоялый> д<вор>» и пошлю его Вам. Буду ждать Ваших самомалейших замечаний с нетерпением — что касается до провинциальных выражений — то, к несчастью, я сам их незаметно употребляю в разговоре — и покойный критик В. Г. Б. всегда называл меня «орловцем, не умеющим говорить по-русски»<sup>4</sup>. Прошу Вас указывать мне такие выражения.

Ваш «Охотничий сборник» — блистательная и, я надеюсь, выгодная в денежном отношении мысль. Разу-



меется, я ваш сотрудник и мое перо, мое имя к вашим услугам. На днях примусь думать о содержании статей и сообщу вам — на чем остановлюсь<sup>5</sup>.

Кончаю мое короткое письмо — лихорадка моя почти исчезла, но осталась какая-то слабость и тупость. Считайте за мною по крайней мере два больших и дельных письма — а теперь позвольте обнять вас всех от души и пожелать вам всего хорошего.

Ваш

*Ив. Тургенев.*

<sup>1</sup> Во время своей «10-дневной поездки» Тургенев, не имевший права выезда из Спасского, был в Москве, куда он отправился с чужим паспортом для свидания с П. Виардо, бывшей там с 14 марта по 8 апреля на концертных гастролях. Поездка тщательно скрывалась от всех друзей писателя.

<sup>2</sup> Письма к Тургеневу С. Т. Аксакова от 9—17 марта, И. С. Аксакова от 11 марта и К. С. Аксакова от 12 марта 1853 года напечатаны в «Русском обозрении», 1894, № 9, стр. 24—33.

<sup>3</sup> Тургенев считал свою повесть «Постоялый двор» выражением «новой манеры» творчества, то есть переходом к новому, высшему роду реализма; но он не мог согласиться с славянофильскими выводами К. С. Аксакова, видевшего в повести изображение христианских идеалов русского народа.

<sup>4</sup> В. Г. Белинский упрекал Тургенева в злоупотреблении орловскими диалектизмами в «Записках охотника» (см. письмо Белинского к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XII, 1956, стр. 467).

<sup>5</sup> Издание «Охотничьего сборника», задуманного С. Т. Аксаковым, не состоялось: сборник был запрещен цензурой вследствие неблагоприятного отзыва III Отделения о С. Т. Аксакове. Тургенев предполагал поместить в нем две «статьи»: рассказ «Поездка в Полесье» и очерк «О соловьях».

61

**И. Ф. МИНИЦКОМУ**

С. Спасское

12-го мая <ст. ст.> 1853 г.

Я оттого не тотчас отвечал на Ваше письмо, любезный Миницкий, что меня дома не было: я уезжал на охоту верст отсюда за полтораста — и только третьего

С. Спасское  
14-го ноября <ст. ст.> 1853 г.

Очень было мне приятно получить от Вас, наконец, письмо, любезный Сергей Тимофеевич, и очень неприятно узнать, что причиною Вашего молчания было Ваше нездоровье. Надеюсь, что установившаяся зима поможет Вам, — лишь бы белизна снега не повредила Вашим глазам. Не оставляйте меня без вести о себе.

Мой, как Вы называете его, полный тезка будет принят в Спасском с отверзтыми объятиями. Кроме того, что я надеюсь побеседовать с ним, так как давно уже это мне не удавалось — сам по себе он очень мне мил и симпатичен. Поручение ему досталось интересное<sup>1</sup>, и я уверен, что он превосходно его исполнит.

Я, кажется, уже писал Вам, что я намерен переехать на зиму в Орел (я выезжаю отсюда после Николина дня) — что же касается до управления дел моих, то я призвал на помощь дядю, брата моего отца, который при покойнице матушке лет двадцать этим занимался<sup>2</sup>. Видно, наш брат щелкопер действительно ни к какому дельному занятию не способен. Что делать! Всего не соединишь и не обхватишь — и дай бог, чтобы в своем-то, в собственном ремесле не делал промахов на каждом шагу!

За литературу я только что начинаю приниматься — до сих пор всякие другие дразги сидели в голове сиднем. Первое, что я кончу, — будет непременно статья для Вашего «Сборника»<sup>3</sup>. Я в Орел повезу также свой роман, который я во многом переделаю. Я немного охладел к нему<sup>4</sup> — однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части.

У нас совершенно стала зима. Барометр на 2 градуса выше «ясного», обледенелые деревья блестят на солнце, как стеклянные — и снег все затянул твердой белой корой. А завтра «введение» — или, как говорят, «веденье, которое ломает леденье». На оттепель не по-



хоже. Притом снег лег не на сырую, а на сухую землю. Но вот увидим — а пока зимний путь чудный.

Доставили мне 3-ю и 5-ю главу «Мертвых душ» (2-й части). 3-я глава, где Петух и Костанжогло — удивительна — но 5-я с небывалым и невозможным откупщиком Муразовым... Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя, покров на обнажившегося нашего литературного отца.

С удовольствием послушаю я статью о Державине<sup>5</sup> и постараюсь узнать от И. С. — в чем именно состоит новая грамматическая система К. С.<sup>6</sup> Я никогда не занимался языком русским теоретически и плохо знаю его историю — но у меня есть на его счет некоторые мысли — посмотрю, совпадают ли они с воззрением Вашего сына.

Прощайте, добрый С. Т. Пожалуйста, не забывайте меня, а главное — как можно скорее выздоравливайте. Если не можете писать или читать, то играйте в карты — это мне напоминает то тинтерé, которое я узнал у Вас в Москве и где трефы играют такую важную роль. Помните, еще покойный Загоскин играл с нами.

Иных уж нет, — а те далече,  
Как Сади некогда сказал<sup>7</sup>.

Кстати, давно Вы не читали Восточных стихотворений Пушкина? Перечтите их — я от них безумствую<sup>8</sup>. Еще раз прощайте — жму Вам крепко руку и кланяюсь Вашему семейству.

Ваш

*Ив. Тургенев.*

Славную мысль Вы возымели насчет 2-го издания «Записок об уженье»<sup>9</sup>. Чем больше от Вас — тем лучше.

<sup>1</sup> Иван Сергеевич Аксаков; он выехал из Москвы, по поручению Географического общества, «описывать важнейшие ярмарки на юге России», как писал Тургеневу С. Т. Аксаков.

<sup>2</sup> В октябре 1853 года Тургенев расстался с Н. Н. Тютчевым, управлявшим в 1852—1853 годах его имениями; вместо Тютчева он пригласил Н. Н. Тургенева; последний управлял Спасским и другими землями своего племянника до 1867 года

и довел имение почти до полного разорения, после чего Тургенев вынужден был отстранить и его от управления.

<sup>3</sup> Очерк «О соловьях»; напечатан (после запрещения «Охотничьего сборника», см. прим. 5 к п. № 60) в приложении к книге С. Т. Аксакова «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М. 1855).

<sup>4</sup> «Охлаждение» Тургенева к роману «Два поколения» было вызвано почти единодушной резко отрицательной критикой друзей. Вскоре Тургенев вообще прекратил работу над этим романом.

<sup>5</sup> Речь идет о рукописи статьи С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» (впервые издана в книге Аксакова «Семейная хроника и воспоминания», М. 1856).

<sup>6</sup> К. С. Аксаков работал в это время над «Философской грамматикой русского языка»; первая часть этого труда, под заглавием «Опыт русской грамматики», вышла в 1860 году.

<sup>7</sup> Цитата из «Евгения Онегина» — глава восьмая, строфа LI.

<sup>8</sup> Тургенев имеет в виду «Подражания Корану» Пушкина.

<sup>9</sup> «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова вышли первым изданием в 1847 году; второе издание было выпущено в 1854 году.

65

С. Т. АКСАКОВУ

С.-Петербург

10-го февраля <ст. ст.> 1854 г.

Давным-давно собирался я писать к Вам, любезный и добрый Сергей Тимофеевич, да все не могу улучшить свободного времени — сегодня, однако, решился дать Вам весть о себе. Прежде всего искреннее спасибо Вам за «Травлю перепелок»<sup>1</sup> — которую я не прочел, а проглотил целиком. Это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым Вы одни владеете. Кстати, в 3 № «Современника» будет напечатано письмо мое к Вам, в котором изложится мнение одного здешнего охотника и хорошего моего знакомого, доктора Берса, — о разных темных вопросах, касающихся до прилета и улета дичи<sup>2</sup>. Кажется, его замечания справедливы и во всяком случае могут вызвать ответ с Вашей стороны.

Здоровье мое в последнее время стало опять немного поправляться — моя болезнь состоит в гастрите, или хроническом желудочном расстройстве, часто сопровождаемом лихорадкой и бессонницей. Мне очень жаль,



что и Вы не совсем в своей тарелке — авось весна нас обоих поправит — а Вы ждите меня непременно в первых числах апреля или даже в конце марта.

Я здесь веду жизнь хотя не рассеянную — но как-то растраченную на тысячу мелочей и т. д. Впрочем, я сделал здесь две хорошие вещи: уговорил Тютчева (Ф. И.)<sup>1</sup> издать в свет собранные свои стихотворения<sup>2</sup> и помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация<sup>4</sup>. Сам же я ничего пока не делаю. — надеюсь приняться за дело в деревне.

Сегодня вышел здесь манифест о войне с Англией и Францией. Вы, вероятно, скоро его получите, если уже не получили<sup>5</sup>.

Вы мне ничего не пишете об Ив. Серг. Думаю, что он здоров и работает. Спасибо Константину Сергеевичу за его поклон. Жму вам всем руки — и говорю: до свидания. Душевно Вас любящий

*Ив. Тургенев.*

Р. S. Издание Пушкина подвигается, хотя очень медленно. Пользуясь отъездом английского посланника<sup>6</sup>, я купил очень дешево 2 отличных английских ружья Форсайта.

<sup>1</sup> Тургенев говорит об очерке С. Т. Аксакова «Охота с ястребом за перепелками» («Москвитянин», 1854, т. I, № 2), предназначенном для «Охотничьего сборника», но после его запрещения вошедшем в «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М. 1855).

<sup>2</sup> Обещанное Тургеневым письмо в редакцию «Современника» не было написано.

<sup>3</sup> Около ста стихотворений Ф. И. Тютчева было напечатано в «Современнике», 1854, № 3 и 5; вскоре вышло отдельное издание «Стихотворений Ф. Тютчева», СПб. 1854. Тургенев поместил в четвертом номере «Современника», 1854, статью «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева».

<sup>4</sup> Переводы од Горация, сделанные А. А. Фетом, были подготовлены к изданию при деятельном участии Тургенева и вышли в свет в начале 1856 года.

<sup>5</sup> Манифест Николая I от 9(21) февраля 1854 года о разрыве дипломатических отношений между Россией и союзниками — Францией и Англией — был фактическим объявлением войны с ними.

<sup>6</sup> Отъезд из Петербурга английского посла сэра Гамильтона Сеймура был вызван манифестом Николая I (см. выше).

С. Т. АКСАКОВУ

Петергоф

31-го мая &lt;ст. ст.&gt; 1854. Троицын день

Пишу к Вам, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, по миновании обоих майских Михайловых дней (Вы помните?), в которые ничего особенного со мной не случилось. Я поселился здесь в небольшом домике колониста, в двух верстах от Петергофа — и в полуверсте от моря, которое видно из моих окон над верхушками соснового леса. Завел себе лошадь и таратайку — и располагаю здесь прожить до осени. К сожалению, погода у нас до того невыразимо гадкая, что и сказать нельзя. Холод, дождь, ветер воет и ноет — тоска! Куда девались красные дни, которые тешили нас в Абрамцеве! <sup>1</sup> Надо вооружиться терпением. Вот буквально пришлось сидеть у моря и ждать погоды. В Кронштадт, который отсюда всего в пяти верстах, я еще не ездил. Англичане, говорят, близко, но носу к нам сюда еще не кажут. <sup>2</sup>

Поговорим немного о литературных новостях. Во-первых, скажу Вам, что я познакомился со вдовою Баратынского (совершенно сумасбродная женщина — между нами сказать) — и она мне вручила альбом, куда она вписала все, что осталось от ее мужа, письма и пр. Можно будет составить довольно любопытную статью <sup>3</sup>. От Толстого, автора «Истории моего детства», прислана повесть, продолжение первой, под названием «Отрочество» <sup>4</sup> — говорят, превосходная. В Париже появился перевод моей книги — с длинным предисловием — то-то, я думаю, на сказано вздору! <sup>5</sup>

Баратынский не поэт в единственно истинном, в пушкинском смысле, но нельзя не уважать его благородную художническую честность, его постоянное и бескорыстное стремление к высшим целям поэзии и жизни. Константину Сергеевичу он бы понравился, несмотря на свое западничество. Ума, вкуса и проницательности у него было много, может быть слишком много — каждое слово его носит след не только рез-



ца — подпилка, стих его никогда не стремится, даже не льется. Вот Вам неизданное его стихотворение (которое не давайте списывать) <sup>6</sup> — в нем довольно верно выразились все особенности его музыки:

Когда твой голос, о поэт,  
Смерть в высших звуках остановит,  
Когда тебя во цвете лет  
Нетерпеливый рок уловит —

Кого закат могучих дней  
Во глубине сердечной тронет?  
Кто в отзыв гибели твоей  
Стесненной грудью восстонет?

И тихий гроб твой посетит —  
И над умолкшей Аонидой,  
Рыдая, пепел твой почтит  
Нелицемерной панихидой?

Никто! но сложится певцу  
Канон намеднишним зоилом —  
Уже кадящим мертвецу,  
Чтобы живых задеть кадилом.

Отголосок великой, нашей классической эпохи слышится в форме стиха Баратынского.

Некрасов, которого Вы так не любите, написал несколько хороших стихотворений, особенно одно — плач старушки крестьянки об умершем сыне <sup>7</sup>.

Адрес мой очень прост: в Петергоф. Я уже распорядился здесь на почте — письма будут мне доставляться. Пожалуйста, напишите мне два слова о себе, о Вашем житье в Абрамцеве, которое я так душевно полюбил. Поклонитесь, прошу Вас, Вашей супруге и всему Вашему семейству. Жму Вам и К. С. руки дружески и остаюсь

преданный Вам

*Ив. Тургенев.*

<sup>1</sup> Абрамцево — усадьба С. Т. Аксакова под Москвой; Тургенев гостил в Абрамцеве в мае 1854 года, перед приездом в Петербург.

<sup>2</sup> Английский флот вступил в конце марта 1854 года в Финский залив и крейсировал там, обстреливая берега; лишь в середине июня ст. ст. он появился в виду Кронштадта,

женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться.

Колбасин понемногу принялся за работу — как только он кончит ее — он явится к Вам. Я дня через 3 или 4 еду на охоту и буду пропадать до 1-го сентября. Надеюсь увидеть вас всех тогда в полном здравии и благоденствии. Посылаю графу порох; шляпу Анне Сем<sup>(еновн)</sup>е я передал.

Кланяюсь всем жителям Покровского, Ольге Петровне, Наталье Петровне — графу и семейству барона Д<sup>(ельвига)</sup>.

Еще раз спасибо — и до свидания.

Преданный Вам

*Ив. Тургенев.*

Р. S. Дядя<sup>3</sup> Вам кланяется и посылает Вам персики; Колбасин велит Вам сказать, что «Антон Горемыки» нет здесь, а «Детство»<sup>4</sup> он искал, но не нашел; еще поищет и пришлет или привезет.

<sup>1</sup> Тургенева, жена Н. Н. Тургенева.

<sup>2</sup> Письмо М. Н. Толстой к Тургеневу с отзывом о «Рудине» в печати неизвестно.

<sup>3</sup> Н. Н. Тургенев, живший в Спасском.

<sup>4</sup> Повесть Д. В. Григоровича «Антон Горемыка», напечатанная в «Современнике», 1847, № 11; повесть Л. Н. Толстого «Детство».

Любезнейший и почтеннейший Сергей Тимофеевич, я еще не получал от Вас ответа на мое последнее письмо<sup>1</sup> — но, может быть, оно затерялось — и мне очень хочется поговорить с Вами. Как Вы провели лето, которое уже на исходе? Я его провел весьма однообразно — почти не выезжал, не охотился — у нас везде была холера, и довольно сильная — я ее побаиваюсь — дома-то все ничего — а заедешь в какую-нибудь деревню — и вдруг придется умирать в сенном сарае — скверно! Так я и не охотился. Теперь она — не под-



стереги враг слова! — заметно ослабела — и я, может быть, решусь отправиться верст за 100 на дупелей. Очень меня расстроила эта невозможность предаться моей любимой страсти; собаки славные, ружья отличные — места открыты удивительные — и все это задаром! Авось в будущем году посчастливится.

Я воспользовался уединением и бездействием и написал большую повесть<sup>2</sup>, которую завезу к Вам, когда буду в Москве — около 10-го октября — ибо я непременно намерен к Вам заехать. Не знаю, что Вы скажете; я ни над одним моим произведением так не трудился и не хлопотал, как над этим; конечно, это еще не ручательство; но по крайней мере сам перед собою прав. Коли Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, так уж нам, маленьким людям, сам бог велел. А то придет порядочная мысль в голову, поленишься обдумать ее хорошенько да обделывать как следует — и выйдет какая-то смутная чепуха. Это со мною не раз случалось — и я дал себе слово вперед не позволять себе этого.

Напишите мне, пожалуйста, где теперь Иван Сергеевич? Наши все ополчения выступили — вероятно, и московское тоже. Вижу я по объявлениям, что Константин Сергеевич издал брошюру о глаголах;<sup>3</sup> выпишу и прочту, если это только не этимология, которой я боюсь пуще холеры. Расскажите мне о себе и о всем Вашем семействе.

А нечего сказать, живем мы в невеселое время. Война растет, растет — и конца ей не видать, лучшие люди (бедный Нахимов!) гибнут<sup>4</sup> — болезни, неурожай, падежи — у нас коровы и лошади мрут как мухи... Впереди еще пока никакого не видать просвету... Надо потерпеть. Еще разик, еще раз, как говорят бурлаки. Авось все это вознаградится с лихвою. Читали ли Вы статью Толстого «Севастополь» в «Современнике»?<sup>5</sup> Я читал ее за столом, кричал: ура! и выпил бокал шампанского за его здоровье.

А что «Семейная хроника»? Не явится ли хоть какой-нибудь отрывок на божий свет?<sup>6</sup> «Москвитянин» в агонии — никто его не читает — и печатать в нем — значит бросать свои вещи ночью в темную яму в безлюд-

ном месте. Надо что-нибудь придумать — мы об этом потолкуем в октябре. У меня было много планов зашевелилось в голове в начале нынешнего года — теперь все это притихло. Может быть, к зиме они закопошатся вновь. Кн. Вяземский — Вы, вероятно, читали — назначен товарищем министра просвещения — только он, говорят, очень плох и слаб. У Норова, сколько слышно, намерения отличные — что-то из всего этого выйдет? <sup>7</sup>

До свиданья, любезный Сергей Тимофеевич, через два месяца. Мой усерднейший поклон Вашей супруге и всему Вашему семейству. Будьте здоровы и веселы — дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

<sup>1</sup> Имеется в виду письмо от 2(14) июня 1855 года («Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 489—490).

<sup>2</sup> Повесть — «Рудин».

<sup>3</sup> Брошюра К. С. Аксакова «О русских глаголах» выпущена была после двухлетней цензурной волокиты в 1855 году.

<sup>4</sup> П. С. Нахимов был смертельно ранен 28 июня и скончался 30 июня 1855 года.

<sup>5</sup> Статья Толстого — «Севастополь в декабре месяце» Л. Н. Толстого («Современник», 1855, № 6).

<sup>6</sup> «Семейная хроника», из которой было напечатано несколько отрывков в «Москвитянине» и других изданиях, в это время готовилась к выпуску отдельной книгой вместе с «Воспоминаниями»; книга вышла в начале 1856 года в Москве.

<sup>7</sup> Передовые круги русского общества возлагали надежды на нового министра просвещения А. С. Норова, сменившего в мае 1853 года умершего реакционного министра кн. Ширинского-Шихматова. Однако благожелательный и весьма либеральный на словах, Норов в сущности продолжал политику своего предшественника. Его «отличные намерения» так и остались неосуществленными. См. о нем записи в «Дневнике» А. В. Никитенко (т. I, 1955, стр. 368, 371, 386 и др.).

## 78

### А. В. ДРУЖИНИНУ

С. Юшково (Карачевского уезда)  
20-го августа (ст. ст.) 1855 г.

Пишу к Вам ответ на Ваше письмо, любезнейший Александр Васильевич, из деревни, куда я приехал третьего дня в надежде пострелять дупелей: но болота



дании «Стихотворений Н. Некрасова» 1856 года. Беловой автограф, совпадающий с печатным, датирован «3 дек.»; В. П. Боткин читал стихотворение в Москве 7 декабря и в тот же день сообщил автору свои впечатления («Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 177). Таким образом, сообщение Тургенева, что стихотворение написано «вчера», несомненно ошибочно. Печатный текст дает следующие варианты сравнительно с текстом, сообщаемым Тургеневым:

Стихи 5—6. К чему хандрить, оплакивать потери?  
Когда б хоть легче было от того!

9—10. Всему конец. Несчастьем и грозою  
Мой темный путь недаром омрача,

24. Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Стихи 13—20 в печатном тексте отсутствуют.

## 82

С. Т. АКСАКОВУ

С.-Петербург

22-го января <ст. ст.> 1856 г.

Сколько раз я принимался Вам писать, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич... я уж и счет потерял! Причина всех этих отсрочек состояла отчасти в том, что я сам надеялся попасть в Москву и лично увидеть Вас, но разные дела и хлопоты воспрепятствовали исполнению моего намерения — и теперь я раньше марта в Москву не приеду. Прежде всего глубокий поклон и искреннее спасибо Вам от моего лица и от лица всех русских читателей за издание Вашей книги, которой я зачитываюсь теперь всласть (я себе достал экземпляр еще прежде получения того, который Вы мне прислали, за что Вам вторичное спасибо). Эта Ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя<sup>1</sup>. Вот он настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот задатки будущего русского романа. Я еще не встречал человека, на которого бы Ваша книга не произвела самого приятного впечатления! Вы должны теперь писать и писать, когда вздумается — выйдет непременно отлично.

Я видел здесь раза два Хомякова — и узнал от него подробности о Вашем житье-бытье. Он Вам также по-

расскажет об нас — говорит, он скоро едет. Переговорил бы много с Вами, если бы увидался — а писать как-то неловко.

Боюсь я, что Вы не останетесь <довольны?> последними напечатанными мною вещами<sup>2</sup>. Задача была трудная — и я, кажется, не совладел с нею. Слишком близко стоял я ко всему этому — надо было бы дать еще году пройти.

«Русский вестник»<sup>3</sup> — до сих пор не очень блистателен, 2-й №, однако, лучше первого. Что же скажет «Русская беседа»<sup>4</sup> — если только получится на нее разрешение? Поклонитесь от меня всем Вашим. Господи, хоть бы в марте-то увидеться! Я очень нездоров — у меня вскопало нечто вроде карбункула — я должен был подвергнуться операции — но теперь, слава богу, все идет хорошо.

Желаю Вам всего лучшего, крепко жму Вашу руку — и еще раз спасибо!

Будьте здоровы.

Преданный Вам *Ив. Тургенев*.

<sup>1</sup> Первое издание «Семейной хроники» С. Т. Аксакова (1856).

<sup>2</sup> Имеются в виду «Постоялый двор», «Переписка» и «Рудин».

<sup>3</sup> «Русский вестник» (издатель — М. Н. Катков) начал выходить в Москве в январе 1856 года.

<sup>4</sup> «Русская беседа» (орган славянофилов) начала выходить в Москве в 1856 году.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, я получил Ваше письмо от 18-го числа и хотя чувствую, что отвечу немногими словами, но решаюсь отвечать, чтобы не откладывать письма в долгий ящик. Мною овладело в последнее время какое-то беспокойство, которое не дает мне ничем заняться последовательно. В голове точно дым бродит какой-то, и на сердце не совсем легко. Это все пройдет — и уже бывало со мной; я Вам



пишу об этом только для того, чтобы наперед извиниться в незначительности моего письма.

Ваше мнение о 2-й части моей повести меня искренно обрадовало — Вы знаете, как я дорожу Вашим мнением. Мне приятно также и то, что Вы не ищете в «Рудине» копии с какого-нибудь известного лица... Уж коли с кого списывать, так с себя начинать<sup>1</sup>.

В «Петербургских ведомостях» подвизаются на критическом поприще какие-то башибузуки — и потому от них нечего ждать, чтобы они уважали приличия. Впрочем, никто на них и не обращает внимания. В «Современнике» — в мартовском номере — явится статья об Вас Анненкова, которою, я надеюсь, Вы останетесь довольны<sup>2</sup>. Толстому я передал Ваш поклон и Ваше поручение. Он написал превосходный рассказ под названием «Метель». Вы увидите его в мартовской книжке «Современника»<sup>3</sup>.

Я уже боюсь говорить Вам, когда я прибуду в Москву, — чувствую, что изверился, — но все-таки мне кажется, что если я буду жив и здоров — в половине марта Вас увижу. А до тех пор будьте здоровы и веселы — кланяюсь Вам и всем Вашим.

Душевно Вам преданный —

*Ив. Тургенев.*

<sup>1</sup> С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «Я не хочу знать, чистый ли вымысел характер Рудина, или нет. Я принимаю его как тип таких людей» («Русское обозрение», 1894, № 12, стр. 580).

<sup>2</sup> Рецензия П. В. Анненкова на «Семейную хронику и воспоминания» Аксакова напечатана в «Современнике», 1856, № 3.

<sup>3</sup> «Метель» была напечатана в третьем номере «Современника» за 1856 год.

Решаюсь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой, хотя мне и совестно Вас так часто беспокоить.

Вот в чем дело. Я продал г-ну Анненкову полное собрание моих напечатанных повестей и рассказов (исключая «Записок охотника»); цензор (Гончаров) не

затрудняется допустить их к перепечатанию<sup>1</sup> — но об одной из этих повестей под названием «Муму» — существует какое-то замечание, сделанное еще покойным кн. Ширинским-Шихматовым;<sup>2</sup> это его затрудняет, хотя в самом рассказе он не находит ничего предосудительного. Не соблаговолите ли Вы замолвить словечко, чтобы это замечание, сделанное два года тому назад — не имело бы действия теперь? Печатать же мои повести без этой «Муму» — было бы, может быть, не совсем благовидно, ибо эту повесть знают в публике — и в ней самой нет ничего резкого, в чем, я надеюсь, Вы удостоверитесь сами, если ее прочтете. Я ее при сем прилагаю. А Гончарову нужно только одно слово<sup>3</sup>. Я бы лично явился к Вам, но вот уже 5-й день, как я, по болезни, сижу дома.

Примите, Ваше сиятельство, уверение в совершенной преданности и глубокого уважения

Вашего покорнейшего слуги

*Ив. Тургенева.*

Вторник

<sup>1</sup> «Повести и рассказы И. С. Тургенева» (СПб. 1856) были изданы в трех частях П. В. Анненковым; цензурное разрешение подписано цензором И. А. Гончаровым 8 июня; рассказ «Муму» вошел во вторую часть.

<sup>2</sup> Пропуск цензурою «Муму» в «Современнике» (1854, № 3) вызвал недовольство властей и замечание цензору Бекетову за недосмотр. Об этом и пишет Тургенев Вяземскому, ошибочно относя цензурную историю с «Муму» к Ширинскому-Шихматову, умершему в 1853 году.

<sup>3</sup> Аргументация Тургенева была, повидимому, сообщена П. А. Вяземским Гончарову, который воспользовался ею в своем рапорте, поданном 11 апреля (ст. ст.) 1856 года председателю Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину; вследствие этого рапорта было разрешено включить «Муму» в сборник.

83

**С. Т. АКСАКОВУ**

С. Спасское  
25-го мая (ст. ст.) 1856 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, супруга Ваша мне сказывала, когда я проезжал через Москву, что Вы еще с месяц в ней пробудете, — и потому я



это письмо посылаю в Денежный переулок в надежде, что в случае Вашего отъезда его Вам перешлют в Абрамцево<sup>1</sup>. Вот уже две недели с лишком как я у себя в деревне — и живу растительной (чтобы себя не обидеть, не сказать — животной) жизнью. Ем *все* — даже салат! — и сплю как моська. Делать ничего не могу, читаю, однако, с большим удовольствием «Историю Греции» Грота — и люблюсь моими милыми и счастливыми афинянами. Был на охоте два раза — побил коростелей и перепелов да двух дупелей — да небывалую у нас птицу — маленького (с дрозда) *черного* рыбака с огромнейшими серыми крыльями и красными лапками с перепонками — теперь, до тетеревов, повешу ружье на гвоздик. Много я думал все это время — во-первых — о услышанном мною продолжении «Семейной хроники» — а во-вторых, о наших толках с Вашим сыном. «Семейная хроника» вещь положительно эпическая, а с Константином Сергеевичем — я боюсь — мы никогда не сойдемся. Он в «мире»<sup>2</sup> видит какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русской жизни — а я, признавая его особенность и свойственность — если так можно выразиться — России, все-таки вижу в нем одну лишь первоначальную, основную почву — но не более как почву, форму, *на* которой строится — а не *в* которую выливается государство. Дерево без корней быть не может; но К. С., мне кажется, желал бы видеть корни на ветвях. Право личности им, что ни говори, уничтожается — а я за это право сражаюсь до сих пор и буду сражаться до конца. Обо всем этом мы еще поговорим в июле — но пословица гласит: «горбатого исправит могила» — а мы с ним чуть ли не оба горбаты, только в разные стороны. Хотя я принадлежу более к «тряпкам», к которым К. С. причисляет, напр., Фета — но ведь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко, а молотом сколько угодно бей по ней, ничего не сделаешь.

До меня дошли слухи, что Ваш сын Иван сошелся с Васильчиковым и едет в Крым: радуюсь за него и за само дело<sup>3</sup>. Горько было думать, что такой человек, как И. С., мог воскликнуть: «Когда же власть твоя пройдет, о молодость, о тягостное бремя!»<sup>4</sup>

До свидания, любезнейший С. Т. Желаю Вам всего хорошего на земле, прежде всего здоровья. Кланяюсь Вашей супруге и всему Вашему семейству и остаюсь навсегда преданный Вам душою

*Ив. Тургенев.*

<sup>1</sup> Имение Аксаковых под Москвой; теперь — Музей Академии наук СССР.

<sup>2</sup> То есть в крестьянской общине.

<sup>3</sup> Виктор Илларионович *Васильчиков* был в 1856 году назначен начальником штаба южной армии и возглавлял комиссию для раскрытия злоупотреблений по интендантству южной и крымской армий. И. С. Аксаков поехал в Крым по приглашению Васильчикова.

<sup>4</sup> Ср. в стихотворении И. С. Аксакова «Усталых сил я долго не жалел».

## 86

### Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское  
25-го мая <ст. ст.> 1856 г.

Я имею известия о тебе от трех лиц, любезный Некрасов, — но я хотел бы иметь известие о тебе от тебя. Напиши мне, пожалуйста, с следующей почтой вкратце: вышел ли твой пачпорт? Намерен ли ты съездить к Боткину в Москву? Если ты едешь за границу — то когда именно? <sup>1</sup> Бросил ли ты играть — и, наконец, как ты себя чувствуешь? Говорят, ты хандришь — но отчего? О себе я тебе скажу, что я здесь зажил животной жизнью — ем масло и даже салат — и *решительно ничего* не делаю. 5-й № «Совр(еменник)а» еще не получил. Мне Толстой пишет, что, по словам Блудова, «Записки» разрешены. Правда ли это? <sup>2</sup> Также я получил известие, будто мне, не дожидаясь документа от губернского предводителя — разрешили выдать паспорт. Я поручил Колбасину справиться. Если меня пустят — я уеду 21-го июля (то есть 2-го августа нов. ст.) и прибуду в Париж в конце августа — нового же стиля. А до 10-го июля я буду в Спасском. Стало быть, тебе известно будет, куда мне писать — и сделай так, чтобы и



<sup>1</sup> От 13 (25) октября 1856 года («Тургенев и круг «Современника», М. 1930, стр. 189—194).

<sup>2</sup> А. В. Дружинин сотрудничал до конца 1856 года одновременно в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения»; однако с редакцией «Современника», вследствие разности в направлениях и возраставшего влияния в журнале Чернышевского, он все более расходился во взглядах и с осени 1856 года стал редактором «Библиотеки для чтения». О статье Дружинина по поводу анненковского издания «Сочинений» Пушкина см. выше, прим. 3 к п. № 72.

<sup>3</sup> Статья, обещанная Тургеневым в «Библиотеку для чтения», — «Поездка в Полесье». Для напечатания ее требовалось согласие редакции «Современника», с которым Тургенев заключил на 1857 год «обязательное соглашение» (см. выше, прим. 4 к п. № 90).

<sup>4</sup> Тургенев имеет в виду статью Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (см. п. № 92, 93).

<sup>5</sup> Трагедия Шекспира «Король Лир», в переводе и с предисловием А. В. Дружинина, была напечатана в «Современнике», 1856, № 12, его же перевод трагедии «Кориолан» — в «Библиотеке для чтения», 1858, № 11.

## 93

С. Т. АКСАКОВУ

Париж

1/13-го ноября 1856 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, до сих пор я все странствовал или, говоря точнее, до сих пор я не свил себе хотя временного гнезда — но теперь я поселился на квартире, rue de Rivoli, № 206, и взялся за перо, от которого рука отвыкла было. Я часто думал об Вас и о Ваших — а теперь одно из первых моих желаний — дать Вам о себе весть и услыхать от Вас, как Вы можете и что делаете хорошего. Я даже не знаю наверное, где Вы — в Абрамцере или в Москве — и пишу — наудачу — в редакцию «Русской беседы». Здесь я — пока — отрезан от живого сообщения с Россией; письма-то я получаю, хотя немного — но журналов (кроме 2 номеров «Современника») — не вижу; впрочем, я надеюсь помаленьку все это достать; здесь есть один князь Трубецкой, который все получает и с которым я надеюсь познакомиться; сверх того, здешний

священник получает «Русскую беседу». Хочется мне очень прочесть во 2-м № «Р<усской> б<еседы>» те главы из Ваших воспоминаний, которые я слышал в нынешнем году, весной, в Москве<sup>1</sup>. Книга Ваша произвела впечатление даже за границей; скоро появится подробный отчет о ней в Revue des 2 Mondes<sup>2</sup>. Что касается до меня, то пребывание во Франции произвело на меня обычное свое действие: все, что я вижу и слышу, как-то теснее и ближе прижимает меня к России, все родное становится мне вдвойне дорого — и если б не особенные, от меня уж точно не зависящие обстоятельства<sup>3</sup> — я бы теперь же вернулся домой. Во всяком случае, если я буду жив и здоров — я в мае месяце у себя в деревне. Я охотился здесь осенью; но дичи было весьма мало (кроме зайцев); куропатки переводятся — и скоро даже эта последняя однообразная французская охота прекратится. Впрочем, я убил одного фазана. Я заказал себе великолепнейшее ружье у первого мастера в Лондоне, Ленга, и весной вывезу оттуда двух отличных собак. Кролика я никак не мог убить ни одного; ужасно трудно стрелять их на перемычках; как мыши шмыгают они через узкие дорожки, оставляемые во Франции в лесах, — и выстрел всегда приходится позади.

Я написал в Петербург, чтобы доставили Вам один экземпляр моих собранных «Повестей и рассказов» анненковского издания<sup>4</sup>. В них, я это знаю, слишком много слабого, недоделанного — недоделанного отчасти от лени, а отчасти — что греха таить! — от бессилия; но Вы пропускайте или дополняйте мысленно — плохое — и взгляните снисходительно на остальное. Я один из писателей междуцарствия — эпохи между Гоголем и будущим главою; мы разрабатывали в ширину и в разбивку то, что великий талант сжал бы в одно крепкое целое, добытое им из глубины; что же делать! Так нас и судите.

Напишите мне, пожалуйста, хотя два слова о себе и о всех Ваших. Что И<ван> С<ергеевич>, вернулся из Крыма — и как его здоровье?<sup>5</sup> Что делает К<онстантин> С<ергеевич>? Как идет «Беседа» в отношении финансовом — то есть много ли у ней подписчиков? Что



делается в Москве? Мы здесь чуяли веяние новой жизни, начавшейся на родине, — и радовались душевно; скажите слово и о ней<sup>6</sup>. Передайте мой поклон Самарину и Хомякову.

Хочу я познакомиться с здешними литераторами, хотя ни к одному не чувствую симпатии и ничего не ожидаю для себя от этого знакомства; но оно любопытно — и, может быть, поучительно. Состояние умов во Франции, сколько я могу судить, довольно странное и совсем не такое, каким его почитают у нас<sup>7</sup>. Этого в письме — и особенно в немногих словах — не передашь. Постараюсь глядеть на все без предубеждения и пристрастия — и буду также стараться много видеть.

Прощайте, любезнейший Сергей Тимофеич, желаю Вам от души всего хорошего на свете. Кланяюсь Вашей супруге и всем Вашим, крепко жму Вашу руку и остаюсь навсегда

душевно Вам преданный

*Ив. Тургенев.*

<sup>1</sup> Речь идет о четвертом отрывке из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова — «Молодые в Багрове», напечатанном во втором томе «Русской беседы» 1856 года.

<sup>2</sup> Статья Ип. Делаво о «Семейной хронике и воспоминаниях» появилась в парижском журнале «Revue des deux Mondes» от 15 июня 1857 года; перевод отрывка статьи был напечатан в «Современнике», 1857, № 9, с сочувственным примечанием редакции. В написании этой статьи Делаво помогал И. С. Тургенев; См. об этом в п. № 108.

<sup>3</sup> В письме к Л. Толстому от 28/16 ноября 1856 года Тургенев писал: «Меня удерживает здесь старинная, неразрывная связь с одним семейством — и моя дочка, которая мне очень нравится... Если б не это, я бы давно уехал...» (см. п. № 98).

<sup>4</sup> «Повести и рассказы» Тургенева (включая «Рудина» и «Фауста»), изданные в трех частях П. В. Анненковым (СПб. 1856), вышли в свет в ноябре 1856 года.

<sup>5</sup> И. С. Аксаков имел служебное поручение по ревизии снабжения крымской армии после войны.

<sup>6</sup> Тургенев разумеет объявленную манифестом 26 августа 1856 года амнистию декабристам, ослабление цензуры и некоторые другие факты, свидетельствующие о подъеме общественной жизни в России предреформенной поры.

<sup>7</sup> Тургенев намекает на оппозиционные настроения во Франции, направленные против Второй империи и вызванные тяжестью недавно законченной войны.

Кстати, на днях я тебе вышлю остальные 500 фр<ан-ко>в.

Ну прощай пока, будь здоров. Обнимаю тебя и всех твоих и остаюсь

любящий тебя

Ив. Тургенев.

<sup>1</sup> Речь идет о повести в стихах Н. П. Огарева «Господин», напечатанной в «Полярной звезде», 1857, кн. III. Замечания Тургенева на нее в печати неизвестны.

<sup>2</sup> «Записки» Герцена — «Былое и думы», которые Герцен частями присылал из Лондона Тургеневу на просмотр (до напечатания).

<sup>3</sup> Имеется в виду издание напечатанных в «Полярной звезде» глав «Былого и дум» во французском переводе, сделанном Ип. Делаво. Однако французская цензура всячески этому препятствовала. Книга Герцена в переводе Делаво вышла лишь в 1860—1862 гг. в трех томах.

<sup>4</sup> Жозан — вероятно, Жоза (Josat).

<sup>5</sup> Герцен надеялся через посредство своего друга Ж. Мишле все-таки добиться издания французского перевода «Былого и дум»; с той же целью хотел встретиться с ним Тургенев. Но и хлопоты Мишле не привели к желаемым результатам (см. Полн. собр. соч. и писем Герцена под ред. М. К. Лемке, т. VIII, 1919, стр. 380 и 510).

<sup>6</sup> О статье Дружинина см. пп. № 102, 103, 104, 105, 112.

108

С. Т. АКСАКОВУ

Париж

8-го января <нов. ст.> 1857 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, давно я получил Ваше письмо и давно собираюсь отвечать — и не то чтобы времени не было, но не приходило того расположения духа, в котором хочется беседовать с отсутствующими друзьями. Впрочем, не «вихорь» парижской жизни тому причиной: я здесь живу только что не отшельником — да притом Париж с своим треском и блеском может вскружить голову юноше или, пожалуй, старику; а я еще не старик — хотя уже бог знает как давно перестал быть юношей. Я, с тех пор



как писал Вам, познакомился со многими здешними литераторами — не с старыми славами, бывшими коноводами — от них, как от козла, ни шерсти ни молока, — а с молодыми, передовыми. Я должен сознаться, что все это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость бессилия, крайнее непонимание всего нефранцузского, отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художнического убеждения — вот что встречается Вам, куда ни оглянитесь. Лучшие из них это чувствуют сами — и только охают и кряхтят. Критики нет; дрянное потакание всему и всем; каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили — вот и все. Один стихотворец вообразит, что нужно «проводить» реализм — и с усилием, с натянутой простотой воспекает «Пар» и «Машины» — другой кричит, что должно возвратиться к Зевсу, Эросу и Палладе — и воспекает их, с удовольствием помещая греческие имена в свои французские стишки; и в обоих капли нет поэзии. Сквозь этот мелкий гвалт и шум пробиваются, как голоса устарелых певцов, дребезжащие звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина, болтовня зарапортовавшейся Санд; Бальзак воздвигается идолом, и новая школа реалистов ползает в прахе перед ним, рабски благоговей перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой; а общий уровень нравственности понижается с каждым днем — и жажда золота томит всех и каждого — вот Вам Франция! Если я живу здесь, то вовсе не для нее и не для Парижа — а в силу обстоятельств, не зависящих от моей воли. Но весна придет — и я полечу на родину, где еще жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места! А в мае я буду у Вас в Абрамцеве, непременно.

Очень меня огорчает известие о болезни Вашей дочери и о собственном Вашем расстройстве. Дай бог, чтобы все это поправилось и пришло в обычную колею! Статью о Ваших «Хрониках» написал некто Делаво, здешний литератор, хорошо знакомый с русским языком; я ему помог и кое-что истолковал. Статья должна

скоро явиться в «Revue des 2 Mondes»<sup>1</sup>. Ваша мысль написать историю ребенка для детей<sup>2</sup> — прекрасна — и я уверен, что Вы исполните ее как нельзя лучше, с тою эпической ясностью и простотой, которая составляет Вашу особенность между всею пишущей братьей. «Русский вестник», в котором находится отрывок Вашей «Хроники», обещан мне кн. Трубецким (приятелем Константина Сергеевича)<sup>3</sup>. Я его вижу довольно часто — он очень милый и добрый человек — и вас всех весьма любит. Он получает также «Русскую беседу», но 4-я часть еще здесь не получена<sup>4</sup>.

Поклонитесь от меня всему Вашему семейству, супруге Вашей и К. С. и И. С. в особенности. Пусть мне К. С. напишет письмо — я ему отвечу непременно — а весною как мы будем спорить! Я очень люблю спорить с ним, потому что, несмотря на наш крик и жар, дружелюбная улыбка не сходит у нас с души и чувствуется в каждом слове. А с иным во всем соглашаешься и спорить не о чем — а между им и тобой — целый овраг.

Я здесь вижу Васильчикова, брата генерала В(асильчикова), у которого И. С. Сколько я могу судить, из следствия ничего особенного не вышло...<sup>5</sup>

Ну прощайте, любезный и почтенный С. Т. Будьте здоровы, и дай Вам бог время и охоту писать. Я что-то не могу ничего делать — точно рука вывихнута. Авось справлюсь. До свидания весной.

Весь Ваш

*Ив. Тургенев.*

Р. S. Как мне жаль обоих Киреевских — передать Вам не могу<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См. прим. 2 к п. № 95.

<sup>2</sup> Это ответ на слова Аксакова в письме к Тургеневу: «Я занят теперь таким делом, о котором хотел бы знать Ваше мнение. Я боюсь, попал ли я на настоящий тон и не нужно ли изменить самые приемы: я пишу книгу для детей, разумеется не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет» («Русское обозрение», 1894, № 12, стр. 590). Речь идет о «Детских годах Багрова-внука».

<sup>3</sup> Приятель Константина Сергеевича (Аксакова), Николай Иванович Трубецкой, сатирически выведен в пьесе Аксакова



Напиши об этом подробно не мне — меня письмо твое не застанет — притом же я все узнаю в Петербурге — а Колбасину и Шеншину, которые очень интересуются этим. Ты знаешь адрес Колбасина: Asnières près Paris, 4, Boulevard de la Comète (Lehotville — Asnières). Ты их очень этим обяжешь. Недели через две явится к тебе человек, которого ты наверное хорошо примешь, декабрист Вегелин, который желает с тобой познакомиться. Он привезет тебе от меня две важные рукописи, которые мне были доставлены для «П(олярной) з(везды)» во время моего пребывания в Виши. Я познакомился с другим декабристом Волконским, очень милым и хорошим стариком, который тоже тебя любит и ценит. Видел ты молодого Ростовцева? <sup>2</sup>

Будь здоров. Кланяюсь Огареву, его жене и всем твоим. Жму тебе крепко руку.

Твой *Ив. Тургенев*.

Р. S. Ты можешь для верности написать о Ч(ернышевском) иносказательно. Колбасин малый не промах, поймет.

<sup>1</sup> Чернышевский приезжал в Лондон к Герцену (в конце июня 1859 года) для личного объяснения по поводу статьи «Veu dangereux!!!» («Колокол», л. 44, 1859 г.), направленной против «Современника», и с целью переговорить о программе «Колокола» (см. «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», составленную Н. М. Чернышевской, — М. 1953, стр. 173; см. также — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 7, М. 1958).

<sup>2</sup> Молодой Ростовцев — Николай Яковлевич, полковник генерального штаба (сын Я. И. Ростовцева, предавшего декабристов); высочайшим приказом от 5 мая 1862 года он и его брат, флигель-адъютант М. Я. Ростовцев, были уволены от службы за сношения с Герценом.

С. Спасское  
22-го октября <ст. ст.> 1859 г.

Я так скоро проехал через Москву, любезнейший Иван Сергеевич, что не успел никого видеть — я спешил сюда для охоты и для работы — а теперь мне хо-

чется дать Вам о себе весточку — а главное — услышать, что поделываете Вы и все Ваши? Моя сказка скоро сказывается: после посещения моего у Вас весной (за несколько дней до кончины Вашего батюшки;<sup>1</sup> весть о ней дошла до меня за границей — и глубоко меня огорчила, хотя я и ожидал ее) — после этого посещения я был во Франции, в Англии, пил воды в Виши — и только; а приехавши сюда — я сперва охотился — очень дурно, за неимением дичи; а потом я заболел глупейшей и неприятнейшей болезнью, которая мучила меня уже в Петербурге: я простудился — у меня заболела грудь и горло: я совершенно онемел, даже шептать не могу, кашель меня колотит — и вот 3 недели как продолжается эта история. Я, разумеется, никого не вижу — впрочем — и видеть-то некого; я работал очень усердно и кончил большую повесть для «Русского вестника»;<sup>2</sup> желал бы я очень, чтобы Вы ее одобрили. За границей я ничего не читал и здесь не читаю — и потому отстал от литературы — но слышал много похвал Вашему журналу<sup>3</sup>. С крестьянами я почти везде благополучно размежевался (оставив, разумеется, старое количество земли), переселил их (с их согласия) — и с нынешней зимы они все поступают на оброк, по три рубля серебром с десятины; я говорю: я — а я должен бы сказать: мой дядя<sup>4</sup>, которому *новые порядки* очень не по нутру — но который понял, что *старые порядки* вернуться не могут. Крестьяне, перед разлукой с «господами», становятся, как говорится у нас, козаками — и тащат с господ все, что могут: хлеб, лес, скот и т. д. Я это вполне понимаю — но на первое время в наших местах исчезнут леса, которые все продают теперь с остервенением, — ничего, лес вырастет — и уже не кое-где и не кое-как, а по указаниям науки. *Трезвости* у нас нет — такой пьяный уголок. Так и будут крестьяне сидеть на оброке с *земли* — а не с десятины и не с души — пока не придут распоряжения сверху. О *мире*, об *общине*, о мирской ответственности в наших околотках никто слышать не хочет: я почти убеждаюсь, что это надо будет *наложить* на крестьян в виде административной и финансовой мер: сами собою они не



согласятся, то есть они дорожат миром — только с юридической точки зрения — как *самосудством*, если можно так выразиться, но никак не иначе.

Вот и все, что я имею Вам сказать. Что-то скажете мне Вы? Напишите мне пару строк, коли вздумается. (Мой адрес: Орловской губернии, в город Мценск.) С моей болезнью я решительно не могу назначить сроку, когда я отсюда выеду; я хотел было прибыть в Москву к 15-му ноября дня на три — а потом вернуться дней на двадцать (начиная с рождества) для надзора за печатанием моей повести; но теперь ни за что поручиться нельзя, хотя я все-таки надеюсь исполнить мое намерение. Пожалуйста, поклонитесь от меня Вашей матушке, Константину Сергеевичу и всему Вашему семейству — также Хомякову, Елагиным и другим хорошим знакомым. Будьте здоровы — это главное — и до свиданья. Жму Вам крепко руку.

Преданный Вам *Ив. Тургенев*.

<sup>1</sup> Писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (скончался в ночь на 30 апреля ст. ст. 1859 г.).

<sup>2</sup> Роман «Накануне».

<sup>3</sup> Речь идет, очевидно, о «Русской беседе»; в 1859 году редактором этого органа славянофилов стал И. С. Аксаков (журнал прекратился в 1860 г. на второй книжке).

<sup>4</sup> Николай Николаевич Тургенев, управлявший имением И. С. Тургенева.

### 133

#### П. В. АННЕНКОВУ

СПб.

3/15 декабря 1859 г.

Четверг, вечером. Любезнейший П. В. Со мной сейчас случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчас была графиня Ламберт с мужем, и она (прочитавши мой роман<sup>1</sup>) так неопровержимо доказала мне, что он никуда не годится, фальшив и ложен от А до Z, что я серьезно думаю — не бросить ли его в огонь? Не смейтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мне часа